

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ ТЫЛА В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ (1941—1945 гг.)

Период Великой Отечественной войны стал одной из самых ярких и противоречивых страниц Отечественной истории. Нашей стране потребовалось колоссальное напряжение сил, чтобы одержать трудную победу в смертельной схватке с грозным и опасным противником. Решающую роль «опорного края державы» в годину суровых испытаний сыграл Урал, ставший мощным промышленным и культурным центром борющегося с внешней агрессией государства. Однако экстремальные условия военного лихолетья внесли существенные коррективы в его социокультурное развитие, обозначив как положительные, так и отрицательные последствия.

Значительное влияние на изменение социокультурной ситуации в регионе оказала эвакуация. К осени 1942 г. на территории Урала были размещены оборудование и рабочая сила более 830 предприятий. Важнейшей составляющей передислокации средств производства на Восток являлось решение социальных задач: прием, размещение и трудоустройство эвакуированного населения. За период с июля 1941 г. по декабрь 1942 г. уральский регион принял 2 млн 127 тыс. человек, что составило более четверти от всех эвакуированных в Российской Федерации [1]. К концу 1942 г. их удельный вес среди населения края достиг 9,7%. Местная политика размещения переселенцев была достаточно дифференцирована: женщины, дети, престарелые располагались в сельской местности, квалифицированные рабочие, служащие и члены их семей — в городах. Процентное соотношение расселения приезжих различалось в зависимости от степени промышленного развития областей и республик. Так, если в индустриально развитой Свердловской области 77,7% эвакуированных были оставлены в городах, то в аграрных Оренбуржье и Башкирии — соответственно 51,6% и 58,4% были направлены в деревню. В целом к концу 1942 г. из переехавших на Урал людей 51,7% разместились в городе, 48,3% — в сельской местности [2]. Масса людей, прибывшая в уральские города, значительно усилила плотность проживания в них. Так, численность жителей Свердловска за годы войны выросло с 423 тыс. человек до 620 тыс.; Уфы — с 258,0 до 380,0; Ижевска — со 184 до 205,9; Нижнего Тагила — со 160,0 до 239,0; Орска — с 66,0 до 99,0; Сарапула — с 41,2 до 55,0; Воткинска — с 40,5 до 52,8. Этот процесс имел очень противоречивые последствия. С одной стороны, повысился удельный вес интеллигенции и квалифицированных рабочих, что положительным образом отразилось на экономическом и культурном развитии региона. С другой стороны, попытка властей решить объективно возникшую жилищную проблему за счет уплотнения и строительства временного упрощенного жилья приводило к чрезмерной скученности, антисанитарным условиям проживания, способствовало возникновению бытовых конфликтов и социальных неурядиц. Бараки, полуподвальные помещения, землянки стали обыч-

ым явлением в жизни горожан. К примеру, в Челябинской области за 1941—1943 гг. было вырыто 184,3 тыс. кв. м земляных помещений. В районе железнодорожного вокзала г. Воткинска был возведен поселок, где в десяти мало приспособленных к нормальной жизни бараках ютились 2,5 тыс. человек. Фактически размеры жилой площади на одного человека сократились в городах Урала до 2,0—2,5 кв. м, а в Нижнем Тагиле — до 1,8 кв. м. В сельской местности жилищная норма достигала 0,8 кв. м. Напряженность в обеспечении трудящихся жильем стала ослабевать лишь по мере освобождения оккупированных территорий и связанной с этим процессом реэвакуации. К концу войны в западные и центральные районы с Урала возвратились более 80% эвакуированных и их численность в регионе составила всего 361 тыс. чел. [3].

Урал был тыловым регионом, где наиболее интенсивно шло наращивание оборонного потенциала, требующего использования значительного количества трудовых ресурсов. Нехватка кадров, вызванная мобилизацией трудящихся на фронт, была ликвидирована за счет эвакуации. Из всех трудоспособных людей, прибывших в регион, 55% активно включились в работу на промышленных предприятиях. В среднем доля эвакуированных работников в индустриальном производстве Урала к концу 1942 г. составила 31% [4]. Одной из мер по восполнению трудовых ресурсов было привлечение на производство пенсионеров. Однако военный режим индустриального труда был под силу далеко не всем пожилым людям. Поэтому доля вернувшихся на промышленные предприятия рабочих в возрасте 55 лет и старше была невелика и составляла 4,3%. Более массовым было участие пожилых людей в сельскохозяйственных работах — 14,8%. Значительно вырос количественный показатель детского и женского труда. В составе уральских рабочих подростковая группа в возрасте от 14 до 16 лет увеличилась по сравнению с 1940 г. более чем вдвое, в сельскохозяйственном производстве — на 15—20%. В результате кампании, целенаправленно проведенной властями под лозунгом «Заменяем уходящих на фронт мужчин!», к производственной деятельности были привлечены сотни тысяч женщин. Их доля в промышленности Урала к концу войны составляла 47,7%, а в сельском хозяйстве — 74,6%. Проблема трудовых ресурсов решалась и за счет подготовки новых квалифицированных кадров в системе трудовых резервов. За 1941—1945 гг. в ремесленных и железнодорожных училищах, школах ФЗО на Урале было подготовлено по различным рабочим специальностям 444,7 тыс. чел. К сожалению, выпускники трудовых резервов не всегда находили должное применение полученным знаниям и навыкам. Только 25% молодых рабочих получали работу по специальности, а остальные вынуждены были переквалифицироваться или выполнять подсобную низкооплачиваемую работу [5]. Значительное место в решении проблемы кадров занимали индивидуальное и бригадное ученичество непосредственно на производстве, работа курсов техминимума, стахановских и технологических школ, обучение вторым и смежным профессиям.

Разрыв между потребностями уральской промышленности и ее обеспеченностью рабочей силой в значительной мере преодолевался методами милитаризации и внеэкономического принуждения. Введение трудовой повинности, захватившей в первую очередь жителей сельской местности и эвакуированных,

способствовало формированию сезонной рабочей силы, которая активно использовалась на лесозаготовках, железнодорожном и жилищном строительстве, торфодобыче и т.п. Имело место создание трудовой армии, включавшей в себя стройбатальоны и рабочие колонны. В эти подразделения направлялись люди признанные негодными к строевой службе в армии или считавшиеся неблагонадежными по социальному и национальному признаку. Трудармейцы прикомандировывались к предприятиям авиационной, металлургической, химической, топливной промышленности, оборонного машиностроения и выполняли в основном подсобные работы. К январю 1942 г. на Урале насчитывалось около 290 тыс. бойцов трудовой армии, среди которых 96 тыс. чел. составляли мобилизованные в Средней Азии и Казахстане [6].

Для обеспечения производственных мощностей региона достаточным количеством рабочих рук применялся труд и других групп «спецконтингента»: заключенных, военнопленных, спецпереселенцев. Они использовались в традиционно трудоемких процессах: в добывающей промышленности, на лесоповале и т.п. К примеру, только в Кизеловском угольном бассейне 40% подземных рабочих составлял «спецконтингент». Суммарная выработка норм в системе уральского ГУЛАГа увеличилась в 2 раза, а условия содержания на много ухудшились. Следствием этого явился повышенный рост смертности от общего числа заключенных, достигавший в годы войны 18,5% [7]. Однако «спецконтингент» не имел серьезной тенденции к уменьшению, ибо постоянно пополнялся за счет военнопленных и интернированных иностранных граждан, а также депортированных представителей национальностей СССР, обвиненных в пособничестве немецким оккупантам. К 1945 г. численность пленных в регионе достигла максимальной цифры в 250 тыс. чел. Лагеря для военнопленных и интернированных размещались в основном в индустриальных центрах Урала, где наблюдалась наибольшая потребность в рабочей силе [8].

Милитаризованный труд, основанный на внеэкономическом принуждении, составлял заметную долю в производственном процессе Урала в годы войны, однако использовался он главным образом во вспомогательных сферах производства и отличался низкой производительностью. Решающая же роль в основных отраслях уральской экономики, вне всякого сомнения, принадлежала местным и эвакуированным специалистам, самоотверженно выполнявшим свой патриотический долг.

В целом, оценивая политику властей в решении кадровых проблем, отметим, что в первую очередь она была направлена на максимальное расширение трудового потенциала в промышленности. Уральское индустриальное производство в результате комплексных мер, осуществленных государственными структурами, не испытывало в годы войны хронического дефицита рабочей силы, за исключением высококвалифицированных кадров.

В то же время убыль трудоспособного населения деревни практически не восполнялась. Массовые мобилизации на фронт, административно-командное перераспределение сельских жителей между промышленностью, транспортом, строительством привели к большому оттоку населения из сельской местности. Резкое сокращение рождаемости и миграционные процессы, связанные с эва-

вакуацией и реэвакуацией также крайне негативно отразились на демографической ситуации в уральской деревне. В результате численность сельского населения Урала за годы войны сократилась на 25,3%. Особенно эта негативная тенденция проявилась среди трудоспособного мужского населения, уменьшившегося на 65,3% [9]. В результате возникла острая нехватка не только квалифицированных кадров, но и просто рабочих рук. Эта проблема породила резкое обострение социальной ситуации в аграрном секторе. Поиск путей эффективного функционирования сельского хозяйства в экстремальных условиях заставлял власти усилить административно-правовые меры воздействия, предусматривавшие жесткое планирование, грубое вмешательство в производственный процесс, прямые репрессии против невыполняющих производственные задания.

В годы войны вся производственная сельскохозяйственная деятельность оценивалась в трудоднях в зависимости от квалификации работника и сложности выполняемой им работы. Каждый трудоспособный житель сельской местности в течение года обязывался выработать определенный минимум трудодней: 100—120 — для взрослых; 50 — для подростков. Чтобы компенсировать нехватку рабочей силы и техники, особенно в период посевной и уборочной кампаний, власти энергично использовали массовые мобилизации горожан на сельхозработы, целенаправленно эксплуатировали небывалый патриотический подъем тружеников села. Ведущую роль в сельхозпроизводстве, в силу сложившихся обстоятельств, играли женщины. Они самоотверженно трудились во всех отраслях сельского хозяйства, часто выполняя традиционно мужские обязанности. К концу войны их доля среди трудоспособного населения аграрного сектора Урала увеличилась по сравнению с довоенным периодом на 20,8% [10]. Колоссальное перенапряжение сил самым пагубным образом отражалось на состоянии здоровья жительниц уральской деревни, особенно женщин-механизаторов. За свою самоотверженность они платили очень дорогую цену, многие из них не смогли иметь детей, получили хронические заболевания.

Вовлечение в аграрное производство нетрудоспособных селян, сезонные мобилизации горожан, частичное трудоустройство в колхозах и совхозах эвакуированных не снимали острой нехватки работников. В результате, при общем сокращении населения Урала за военный период более чем на 1 млн чел. (на 7,7%), удельный вес горожан, учитывая эвакуацию в регион главным образом промышленно-оборонных предприятий, увеличился с 37,5% до 49,4%, а сельское население сократилось с 62,5% до 50,6% [11]. Это выравнивание долей жителей города и деревни, произошедшее к концу войны впервые в истории региона, имело крайне противоречивые экономические последствия. Промышленность сделала колоссальный шаг вперед, а сельское хозяйство оказалось не в состоянии сохранить производство даже в довоенных размерах.

Максимально эксплуатируя народный энтузиазм, используя административно-репрессивные меры ужесточения производственной дисциплины, сталинское государство при этом осуществляло целенаправленную политику на значительное удешевление стоимости рабочей силы. В течение войны заработная плата номинально росла. К 1944 г. среднемесячный оклад рабочих в промышленности вырос по сравнению с 1940 г. с 375 до 573 руб., то есть на 53%. На Урале, где со-

средоточился значительный контингент квалифицированной, высокооплачиваемой рабочей силы, прирост был еще больше и составлял 65% [12]. Однако параллельно с повышением заработной платы, государство многократно увеличило налоги и другие отчисления с граждан. В результате к 1944 г. объем налоговых поступлений от населения Урала вырос по сравнению с довоенным периодом в 3,7 раза. Если прибавить к этому обязательные безвозвратные изъятия в виде госзаказов и денежно-вещевых лотерей, а также взлет рыночных цен, то получается, что реальная заработная плата в уральской промышленности к концу войны не выросла, а наоборот сократилась почти на 60% [13]. Значительное снижение денежного обеспечения произошло в аграрном секторе. И без того мизерная стоимость довоенного трудового дня уменьшилась вдвое. В среднем по Уралу она составляла ничтожную сумму не превышавшую двух рублей.

Чрезвычайный характер приобрела в военный период продовольственная проблема. Производство и потребление продуктов питания в уральских областях и республиках за годы войны, по сравнению с 1940 г., уменьшилось почти в 2 раза. Для удовлетворения жизненных потребностей людей, занятых в промышленности, была введена карточная система. Норма рабочих I категории трудившихся на оборонных заводах, составляла 2 кг мяса, 600 г жиров, 1,5 кг крупы или макаронных изделий в месяц и 700 г хлеба в сутки. Работники остальных промышленных предприятий, отнесенные ко II категории, получали 1,8 кг мяса, 400 г жиров, 1,2 кг крупы или макаронных изделий в месяц и 600 г хлеба в сутки. Суточная хлебная карточка для детей и иждивенцев составляла 400 г. Нормированное распределение продуктов питания осуществлялось через государственную торговлю, однако из-за нехватки продовольствия карточки почти постоянно не отоваривались полностью. Кроме того, на большинство видов продовольствия фонды ежегодно снижались. Уже к концу 1941 г. из системы государственной торговли полностью исчезли овощи, картофель, фрукты, ягоды, молочные продукты.

Чтобы как-то улучшить ситуацию с продовольствием, на предприятиях создавались отделы рабочего снабжения, при которых организовывались подсобные хозяйства, магазины и столовые. К концу войны практически все уральские предприятия и многие организации имели свои ОРСы, превратившиеся по сути дела в крупные заводские цеха по производству продуктов питания. Наиболее важным был удельный вес ОРСов в поставках рабочим и служащим картофеля и овощей. Через отделы рабочего снабжения шло распределение и централизация фондов. По уральскому региону через систему ОРСов прошло 45% всех государственных варных ресурсов, в то время как по СССР этот показатель не превышал 20%.

Деятельность ОРСов, как формы закрытого ведомственного снабжения, имела и ряд негативных моментов. Очень часто они становились инструментом незаконного перераспределения потребительских товаров. Практика недоснабжения рабочих и переснабжения «командиров производства» хоть и осуждалась партийно-государственными органами в различных постановлениях, но имела широкое распространение во всех областях и республиках Урала.

Недостаток продовольствия в какой-то мере можно было компенсировать через коммерческую и рыночную торговлю. Сеть коммерческих магазинов и

сторон, созданная в 1944—1945 гг. в крупных городах Урала, легализовала нерегламентированный потребительский стандарт, отвлекала часть платежеспособного спроса из сферы нормированного снабжения, но была не доступна основной массе трудящихся, имевших низкие доходы. Рыночная торговля развивалась с использованием разных экономических рычагов. Колхозная торговля оставалась способом административно-командной перекачки сельхозпродукции, альтернативу государственному распределению обеспечивал «черный» рынок. Цены на нем по сравнению с довоенными к 1943 г. в среднем выросли в 13 раз. При среднемесячной зарплате квалифицированного рабочего оборонного предприятия в 573 руб. на уральских рынках 1 кг масла в среднем стоил 793 руб., 1 кг говядины — 314 руб., булка пшеничного хлеба (0,7 кг) — 400 руб., десяток яиц — 198 руб., 1 кг ржаной муки — 158 руб., 1 л молока — 87 руб., 1 кг картофеля — 45 руб., 1 кг капусты — 43 руб. Самый высокий взлет цен в годы войны отмечался на базарах Свердловска, где стоимость ржаной муки по сравнению с июнем 1941 г. увеличилась в 125 раз, пшеничной — в 29, картофеля — в 71, говядины — в 18, сливочного масла — в 29, молока — в 40, яиц — в 25 раз. Дороговизна заставляла большую часть населения попросту отказываться от многих продуктов. К примеру, покупка овощей, фруктов, ягод, молока, масла, мяса, сала сократилась по сравнению с 1940 г. в 15—20 раз. В основном на рынке приобретались дополнительно к карточным пайкам, отоваренным по твердым государственным ценам, хлеб, масло, сахар, что «съедало» до 85% бюджета семьи.

В годы войны на Урале активно развивались источники децентрализованного снабжения: подсобное хозяйство и индивидуальное огородничество. Более 50% горожан вынуждены были заниматься выращиванием сельскохозяйственной продукции. За военный период посевные площади личных хозяйств населения региона увеличились на 44,8% (с 301,2 тыс. до 436,4 тыс. га). Индивидуальное выращивание картофеля и овощей для многих семей часто было единственным способом выживания [14].

Несмотря на то, что структура питания населения Урала значительно ухудшилась, общее количество потребляемых продуктов все же позволяло минимально удовлетворить жизненные потребности людей и исключало возможность массового голода в регионе. Однако его локальные очаги повсеместно наблюдались в северных районах края с традиционно сложными географо-климатическими условиями, отдаленных от промышленных центров, чье развитие во многом зависело от централизованного продовольственного снабжения. Замкнутость, нарушение транспортных коммуникаций, высокие сельскохозяйственные налоги привели к вспышкам голода в Буткинском, Манчажском, Алапаевском районах Свердловской области и ряде территорий Башкирии и Удмуртии. Голод коснулся прежде всего наиболее незащищенных и уязвимых социальных слоев общества: детей, престарелых, рабочих, прибывших по набору из Средней Азии и Казахстана [15].

В тяжелые дни войны в уральском регионе имело место заметное сокращение производства промышленных товаров и предметов культурного назначения. Следствием этого было то, что многократно уменьшилось и приобретение уральцами непродовольственных товаров. За годы войны, в сравнении с довоенным периодом,

покупка тканей снизилась в 10—12 раз; обуви — в 3—4 раза; керосина — в 40—120 раз; дров, хозяйственного мыла — в 2—3 раза. Даже на самых важных военных заводах работники не были в достатке обеспечены предметами повседневного обихода. До жителей сельской местности промтовары практически не доходили. Особенно наглядно проявлялась нехватка обуви. Это приводило к тому, что на ряде предприятий создавались мастерские по производству лаптей. К примеру, на Ижевском машиностроительном заводе ежемесячно выпускалось до 10 тыс. пар этой необычной продукции. В то же время те социальные слои, которые реально контролировали товарные ресурсы (партийно-государственная номенклатура и небольшой круг деятелей культуры, ее обслуживающих) могли в полной мере удовлетворить свои потребности через систему закрытых магазинов, столовых и спецраспределителей. На фоне общих лишений и тотального дефицита их высокий жизненный уровень выглядел аномалией.

Резкое понижение уровня материально-бытового обеспечения населения Урала сочеталось в годы войны с увеличением трудовой нагрузки, регулируемой целым рядом чрезвычайных законов. На их основе вводились обязательные сверхурочные работы от 1 до 3 часов, отменялись очередные отпуска. Рабочие оборонных предприятий переводились на положение мобилизованных. Самовольный уход с работы или опоздание более чем на 20 минут рассматривались как дезертирство и решением военных трибуналов карались тюремным заключением в соответствии с Указом от 26 декабря 1941 г. За годы войны на Урале в «указники» попали несколько тысяч человек, в том числе большое количество подростков 14—16 лет. Различного рода административные и общественные взыскания предусматривались также за мелкие нарушения производственной дисциплины, невыполнение плановых заданий, срыв графика работ и т.п.

Значительная интенсификация трудовых затрат в условиях массового обнищания и государственного прессинга крайне неблагоприятно воздействовала на психику тружеников тыла, порой порождала факты социального пессимизма, попытки уклониться от обязанностей, стремление пьянством ослабить негативное воздействие реальной действительности, обуславливала антиобщественное поведение, усложняла криминогенную ситуацию. Однако отрицательные явления общественной жизни, объективно порожденные условиями войны, не становились необратимой тенденцией. Подавляющее большинство уральцев, выполняя свой долг перед Родиной, проявляли терпение и самоотверженность, отдавали все силы без остатка для достижения общей победы. Основой такого поведения, до сих пор вызывающего чувство удивления и восхищения, был мощный духовный фундамент уральского региона, оказывавший прямое воздействие как на уральцев, так и на всех жителей страны.

Отметим, что количественные показатели культурного развития по России в годы войны в целом имели объективную тенденцию к снижению. Однако на Урале наблюдался парадоксальный, на фоне военных невзгод, духовный подъем. Всплеск в развитии культуры края объясняется наличием здесь созданного в довоенный период солидного научно-образовательного и художественно-образного потенциалов, полной его мобилизацией на нужды обороны, а также эвакуацией сюда большого количества учреждений науки, образования, культуры из западных районов.

В году тяжелых испытаний Урал стал признанным центром науки. В Свердловске длительное время размещался Президиум Академии наук СССР, продолжал работать ее Уральский филиал, была сформирована и энергично трудилась Комиссия по мобилизации ресурсов Урала и Сибири на нужды обороны страны. В Уфе наладилась деятельность эвакуированной Академии наук Украины. Основными чертами развития научной мысли на Урале стали: расширение масштабов исследовательской работы, усиление ее связи с производством, сосредоточение на решении оборонных задач.

Примером эффективного воплощения научных разработок на практике была деятельность Комиссии по мобилизации ресурсов Урала и Сибири на нужды обороны страны, возглавляемая академиком В. Комаровым. При активном участии 60 научных учреждений, более 800 специалистов науки и техники, среди которых были выдающиеся ученые И. Бардин, Э. Бридке, А. Байков, В. Образцов, Л. Шевяков и др., было изучено состояние важнейших отраслей народного хозяйства Урала, разработан план мобилизации оборудования, сырьевых и людских ресурсов на нужды обороны, выявлены новые стратегические источники сырья (нефти, угля, марганца, железа, цветных металлов), усовершенствована эксплуатация железнодорожного транспорта. В частности, по рекомендациям Комиссии удалось освоить добычу угля открытым способом в Челябинском и Богословском бассейнах, обнаружить в Башкирии самые крупные месторождения нефти (Кинзебулатовское, Туймазинское) с момента создания восточной нефтяной базы. В разгар военных действий эти открытия имели огромное стратегическое значение.

Изыскания, направленные на совершенствование и развитие военного производства, вели практически все НИИ Уральского филиала АН СССР, АН Украины, местные и эвакуированные отраслевые научные учреждения. С помощью ученых совершенствовались конструкции, внедрялась и осваивалась новая передовая техника, снижалась трудоемкость изготовления продукции, приводились в движение внутренние резервы промышленных предприятий. Научные сотрудники Свердловского Института металлов Я.С. Шур и С.В. Вонсовский разработали и внедрили магнитный метод контроля корпусов артиллерийских снарядов. Группа ученых, работавших на Уфимском нефтяном заводе, возглавляемая Н.М. Караваевым, разработала технологию, снижающую содержание сернистых соединений в башкирской нефти с 3 до 0,3%, что позволило изготавливать из нее высококачественное авиационное топливо. На Уралвагонзаводе было успешно внедрено в производство изобретение Е.О. Патона: автоматическая сварка под флюсом в несколько раз увеличила производительность труда сварщиков в танковой промышленности. Крупные научные открытия и замечательные изобретения, имевшие важное оборонное значение, сделали на Урале в годы войны известные и молодые ученые В.И. Архаров, А.А. Блохин, А.А. Богданов, П.К. Кикоин, В.Н. Козлов, В.В. Михайлов, М.Н. Михайлов, И.Я. Постовский, С.И. Ремпель, В.Е. Руженцов, Н.С. Сиунов, Г.И. Чуфаров, Л.Д. Шевяков, Р.И. Янус и другие [16].

Как производительная сила проявила себя и вузовская наука. В годы войны центр научно-исследовательской работы ученых высших учебных заведений был перенесен на промышленные предприятия. Это привело к возникновению но-

вых форм интеграции науки с производством, выразившихся в достаточно четких и определенных формулах: институт — завод, кафедра — цех. Огромный вклад в развитие военно-промышленного комплекса страны внес крупнейший в регионе — Уральский индустриальный институт. Работавшие в нем специалисты оказали за годы войны техническую и консультативную помощь 400 уральским заводам и стройкам. Они плодотворно сотрудничали с трудовыми коллективами Уральского алюминиевого завода, Ново-Тагильского и Лысьевского металлургических заводов, Уралмаша и др. Всего за годы Великой Отечественной войны ученые Уральского индустриального института выполнили около 700 научно-исследовательских работ.

Научно-техническим центром являлся Магнитогорский горно-металлургический институт. Здесь за годы войны было выполнено 204 научно-исследовательские работы, внедренные на местном металлургическом комбинате. Среди научных достижений магнитогорцев: создание новых технологий массового производства броневой стали; повышение стойкости мартеновских печей; разработка новых марок сталей и профилей проката для танков «КВ» и «Т-34». Своими научными исследованиями всемерно способствовали совершенствованию отечественного танкостроения и высшие учебные заведения Челябинска. Постоянную помощь конструкторному бюро Кировского завода оказывали ученые механико-машиностроительного института и института механизации и электрификации сельского хозяйства.

Активную помощь развитию промышленности, сельского хозяйства, медицины оказывали уральские университеты и педагогические институты, 1/3 всех научно-исследовательских работ которых субсидировалась военными организациями. Нередко поиск ученых приводил к оригинальным и очень полезным результатам. Так в Уральском университете доктор физико-математических наук профессор А.А. Яговкин сконструировал несколько приборов по аэронавигации и самолетовождению, применение которых значительно улучшило ориентирование летчиков при ведении воздушного боя. Практическое применение имели открытия его коллег: профессора С.В. Карпачева, предложившего новый экономичный способ получения алюминия, профессора С.П. Мокрушина, создавшего специальную смазку против запотевания очков противогазов и др. Значительную научно-исследовательскую работу, направленную на нужды обороны страны, провели сельскохозяйственные вузы Урала: Башкирский, Молотовский, Свердловский и Чкаловский. Неоценимый вклад в дело организации здравоохранения региона, а также в процесс восстановления здоровья раненых бойцов Красной армии внесли действовавшие на Урале 4 местных (Свердловский, Молотовский, Башкирский, Ижевский) и 2 эвакуированных (Киевский, Харьковский) медицинских вуза [17].

Значительные изменения произошли в годы Великой Отечественной войны в работе региональной системы народного образования. Начало военных действий обусловило объективный процесс ее свертывания. В 1943 году коллектив студентов вузов Урала составляли 91%, учащихся ссузов — 79,9%, школьников — 69,2% от уровня 1940 года. Серьезному сокращению подвергся профессорско-преподавательский корпус, намного уменьшилась материальная

техническая база учебных заведений. Однако по ходу развертывания событий эта негативная тенденция была остановлена и к концу войны образовательный потенциал края был почти восстановлен. Более того, по целому ряду показателей имело место превышение довоенных цифр.

За счет эвакуированных учебных заведений усилилась региональная вузовская система. На Урале побывали 46 вузов, включая многие флагманы высшего образования СССР. В Свердловске размещались Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Военно-воздушная академия им. Н.Е. Жуковского, Киевская консерватория; в Ижевске — Московское высшее техническое училище им. Н.Э. Баумана; в Уфе — 1-й Московский медицинский институт; в Челябинске — Сталинградский механический институт; в Перми — Ленинградский военно-механический институт и др. Между местными и прибывшими вузами устанавливались отношения делового сотрудничества, что способствовало совершенствованию научно-педагогической деятельности и учебно-воспитательного процесса.

Большинство приезжих институтов и университетов, реэвакуируясь на места прежней дислокации, оставляли часть учебного оборудования, преподавательских кадров и студентов. Это привело к расширению вузовской сети уральского региона с 48 до 60 учебных заведений. Перед уральскими студентами впервые распахнули двери новые институты в Свердловске, Челябинске, Уфе, Чкалове, Кургане, Нижнем Тагиле и Шадринске. Среди них: 5 промышленных, 2 медицинских, сельскохозяйственный, педагогический, юридический и театральный. Постепенно была стабилизирована сеть средних специальных учебных заведений и общеобразовательных школ. Их контингенты учащихся в 1945 году составляли соответственно 108% и 71,6% от довоенного уровня [18]. В целом, система образования Урала, несмотря на трудности военного времени, доказала свою жизнеспособность и заняла солидное место в общероссийском образовательном потенциале. К концу войны в регионе насчитывалось 14,3% высших учебных заведений и 16,1% средних специальных заведений, совместно подготовивших 10% всех российских выпускников. В областях и республиках Урала работало 14,9% общеобразовательных школ [19].

Преодолевая трудности военного времени, целенаправленно развивалась культурная жизнь Урала. После некоторого спада, связанного с уходом на фронт большой группы уральских писателей и поэтов, вновь интенсивно стала развиваться литературная жизнь. Под руководством П. Бажова и А. Караваевой был создан и стал активно действовать литературный центр в Свердловске. В Башкирии и Удмуртии, в Прикамье и Зауралье, на Южном и Среднем Урале плодотворно заработали писательские организации, укрепившие свои ряды за счет прибывших в эвакуацию из крупнейших культурных центров страны литераторов. Творческое содружество корифеев пера (А. Фатьянова, А. Первенцева, Н. Асанова, Ю. Тынянова, В. Каверина, М. Шагинян, А. Барто, Е. Пермяка, А. Коца, Л. Кассиля, П. Тычины, А. Корнейчука и др.) с местными талантами (Б. Рябининим, К. Мурзиди, В. Каменским, Л. Татьянической, В. Пистоленко, М. Каримом, Б. Бикбаем, П. Чайниковым, Ф. Кедровым и др.) дало незамедлительный эффект. Из-под пера литераторов

стали выходить произведения публицистики, художественной прозы, поэзии, драматургии, несущие огромный мобилизационно-организаторский и идейно-воспитательный заряд. Большое значение имела агитационно-пропагандистская работа деятелей литературы: выступления по радио, встречи с читателями, участие в агитбригадах. Литературные произведения, написанные на злобу дня, отражавшие актуальные проблемы, без промедления принимались издательствами и публиковались массовыми тиражами. Так за период войны издательствами, базирующимися только на территории Свердловской области, было выпущено 14 млн 853 тыс. экземпляров различных изданий. Более 4 млн экземпляров опубликовало Башкирское книжное издательство, 3,4 млн экземпляров — издательства Оренбуржья [20].

Одну из главных ролей в идейно-воспитательной работе среди тружеников тыла и фронтовиков играли уральские театры. Преодолев временные трудности начального периода войны, выразившиеся в сокращении государственных дотаций, в количественном уменьшении состава актерских трупп, в передаче театральные здания под военные цели, они полностью выполнили поставленные перед ними задачи. К концу войны в регионе работало 60 театральных коллективов, что составляло 15,6% от их общего количества в России. Все уральские театры укрепили кадровый состав, стабилизировали материальную базу, обновили репертуар лучшими произведениями современной и классической драматургии. Это способствовало повышению качества постановки спектаклей, усилению роли театров региона в агитационно-массовой работе с трудящимися, в военно-шефской работе с красноармейцами. За военные годы в театрах Урала было поставлено 3,1 тыс. пьес, проведено 65,6 тыс. спектаклей с охватом 28,5 млн зрителей.

Огромный позитивный эффект имела временная эвакуация на Урал 25 ведущих артистических коллективов страны, среди которых были Московский художественный академический театр, Центральный театр Красной армии, Московский театр сатиры, Московский академический Малый театр, Ленинградский театр оперы и балета им. С.М. Кирова, Ленинградский Малый театр оперы и балета и др. Значительная концентрация на Урале лучших театральных сил страны, несмотря на проблемы материального и организационного плана, в конечном итоге способствовала совершенствованию уральской школы актерского и режиссерского мастерства, повышению зрительского интереса. Высокий уровень театрального искусства Урала военной поры был подтвержден Государственной Сталинской премией, присужденной спектаклям Свердловского театра музыкальной комедии («Табачный капитан», 1944 год, режиссер Г. Кутушев, артисты М. Виск, С. Дыбчо, П. Емельянова) и Свердловского театра оперы и балета («Отелло», 1945 год, режиссер Е. Бриль, дирижер А. Маргулян, артисты Н. Киселевская, А. Азрикан) [21].

Значительный вклад в общую победу над немецким фашизмом внесли уральские художники, проделавшие большую работу по перестройке своей деятельности с целью активизации изобразительного искусства как одного из самых доходчивых и массовых средств агитации и пропаганды. Уделив много внимания выпуску агитационно-пропагандистских произведений, оформлению ими мест наибольшего скопления народных масс, они добились того, что наглядная агитация в годы

войны стала конкретней, убедительней, приобрела наступательный характер. В военный период из под кисти свердловчан Г. Лякина, А. Вязникова, Г. Мелентьева, П. Васильева; прикамцев В. Чегодара, Н. Серебренникова; южноуральцев И. Вандышева, М. Помянского; оренбуржцев Н. Кудашева, М. Петунина; зауральцев А. Злодеева, М. Успенской; башкирских и удмуртских мастеров Р. Ишбулатова, М. Арсланова, Д. Ходырева, Н. Косолапова и многих других вышел целый ряд художественных произведений, отличавшихся высоким исполнительским мастерством, наполненных идеей беззаветного служения Отечеству. Демонстрация этих произведений на многочисленных выставках стала одной из самых действенных форм патриотического воспитания народа. Все вернисажи, проводимые на Урале в годы войны, вызывали повышенный интерес у специалистов и зрителей, однако самыми примечательными стали: «За Родину» (Уфа, 1942 г.), «Ленинград в дни блокады» (Пермь, 1943 г.), «Урал — кузница оружия» (Свердловск, 1944 г.) и ряд других [22].

Особую значимость в общественном развитии Урала в годы Великой Отечественной войны приобрело кино. Учитывая его огромные возможности в процессе воспитательной работы с массами, работники региональной системы кинофикации, преодолев издержки начального периода войны, успешно решали задачи по расширению материальной базы киносети и приобщению к этому виду искусства новых масс зрителей. Причем восстановление киносети Урала шло значительно быстрее, чем на других российских территориях. К концу войны доля Урала в РСФСР по этому показателю увеличилась с 22,9 до 27,3% в сравнении с 1941 г.

Разнообразные формы агитационно-пропагандистской работы в сочетании с демонстрацией кинофильмов обеспечили широкомасштабный охват населения. За годы войны только по 5 областям региона к просмотру художественных и документальных фильмов был привлечено 181 млн чел. Наряду с массовым потреблением кинопродукции, Урал чрезвычайно деятельно участвовал и в ее создании. В крае активно работала Свердловская студия кинохроники, выпустившая 242 киножурнала, а в феврале 1943 года была образована Свердловская студия художественных фильмов, отснявшая в 1944 году первую игровую картину «Сильва» [23].

В годы войны в значительной мере увеличилась насыщенность музыкальной жизни уральского региона. Край радушно принял и создал все условия для творчества выдающимся композиторам: Т. Хренникову, А. Хачатуряну, В. Шебалину, Р. Глиэру, Д. Кабалевскому, В. Соловьеву-Седому, И. Держинскому, М. Чулаки, Д. Френкелю, В. Волошинову. Вместе с ними активно трудились уральцы: В. Трамбицкий, М. Розенпуд, М. Фролов, Н. Хлопков, М. Черняк, Р. Муртазин, Х. Ахметов, Х. Исмагилов, Н. Греховодов и другие. Столицей музыкального Урала без всякого преувеличения был Свердловск, где в годы войны жили и плодотворно работали 40 членов Союза композиторов. Творческое содружество музыкантов давало замечательные плоды. На Урале было написано и впервые исполнено большое количество симфонических произведений, опер, балетов и т.п. Замечательный всплеск имело песенное искусство. Здесь появились многие песни, отразившие всю глубину патриотических чувств

народа и ставшие чрезвычайно популярными по всей стране: «Уральцы бьются здорово» Т. Хренникова, «Ой туманы мои, растуманы» В. Захарова, «Походная песня» Х. Исмагилова, «Песня мщения» В. Соловьева-Седого, «Песня Двадцати восьми» В. Волошинова и другие.

Заметное место в музыкальной жизни Урала занимала народная музыка. Деле ее пропаганды в регионе проходили гастролы хора имени Пятницкого, художественно-музыкальных коллективов под управлением Л. Оборина и Е. Свешников. На Среднем Урале были организованы Уральский народный хор, хор Областного радиокомитета и оркестр народных инструментов. В Челябинске приступили к работе народный хор Южного Урала. Активно популяризировались и шедевры русской и зарубежной классики. В этих целях в Свердловске был создан симфонический оркестр и хоровая капелла. В концертах классической музыки участвовали не только уральские музыканты, но и многие выдающиеся исполнители страны. Так, за годы войны в Свердловске гастролировали Д. Ойстрах, Э. Гилельс, Л. Оборин; в Уфе радовали зрителей Д. Шостакович, Г. Гинзбург; в Ижевске — Я. Зак, Г. Нейгауз, И. Михновский, В. Макарова-Шевченко. Известные музыканты выступали также в концертных залах Челябинска, Перми, Нижнего Тагила, Воткинска и других уральских городов. В целом, концерты классической, народной, эстрадной музыки играли большую роль в процессе приобщения к музыкальной культуре огромных масс населения. За годы войны только на Среднем Урале их посетили более 6 млн чел., что является уникальным достижением даже для мирного времени [24].

Отметим, что все произведения литературы и искусства военной поры, созданные на Урале, являлись порождением тоталитарной культуры, существовавшей в атмосфере политической цензуры и идеологического давления. В условиях мирного времени это несло в себе отрицательный заряд, направленный на полное подчинение личности государственным структурам. Однако на крутом повороте истории, когда власть на первый план выдвинула концепцию защиты целостности, независимости и суверенитета Родины, концентрация всего духовного потенциала литературы и искусства в оборонно-патриотическом направлении при всех политических и идеологических издержках, безусловно, обеспечивала положительный эффект в смертельной схватке с грозным противником.

В годы Великой Отечественной войны заметно поднялся нравственно-религиозный уровень населения Урала. После долгих лет целенаправленного уничтожения церковных институтов, последовательных гонений на верующих с целью тотального подавления оппозиционного инакомыслия и полного утверждения сознания людей большевистской идеологии, органы управления уральскими областями и автономными республиками значительно ослабили государственную прессинг, предоставив религии возможность легального развития. В регионе начался процесс открытия молитвенных зданий, прекратились расправы над священнослужителями, произошла амнистия ранее репрессированных, ослаблен контроль за хождением религиозной литературы.

К марту 1944 г. под эгидой Московской Патриархии с согласия СС ССР на Урале вновь начинается официальное функционирование четырех епархий, границы которых практически совпадали с гражданским административ-

территориальным делением региона. В Молотовской области стала действовать Молотовская епархия, куда на пост Епархиального Архиепископа был назначен епископ Александр (Толстопятов) с присвоением ему титула Молотовский и Соликамский. Была восстановлена деятельность Удмуртской епархии во главе с архиепископом Сарапульским Иоанном (Братолюбовым), продолжила работу Башкирская епархия, руководимая архиепископом Уфимским Стефаном (Проценко). Свердловская епархия первоначально охватила две уральские области — Свердловскую и Челябинскую. Архиепископскую кафедру здесь возглавил епископ Варлаам (Пикалов), получивший титул Свердловский, по городу, где находилась его резиденция и кафедральный собор. Только после войны официально была зарегистрирована Чкаловская епархия, хотя ее руководитель — епископ Чкаловский и Бузулукский Мануил (Лемешевский) именно в военные годы проделал огромную работу по возобновлению религиозной пропаганды в Чкаловской области, способствовал возрождению культовых учреждений, полностью закрытых в довоенный период. Все вышеперечисленные уральские архиереи приступили к своим обязанностям после заключения в сталинских лагерях, попав под амнистию, связанную с изменением религиозной политики государства [25]. Веротерпимость властных структур проявилась и по отношению к неправославным конфессиям, также получившим право и возможность влияния на общество.

Отметим, что практически все церковные институты, сохранившиеся на Урале к началу войны, сразу же осудили фашистское вторжение, призвав паству встать в ряды защитников Отечества. С конца 1943 года патриотическая работа культовых учреждений приобрела еще более внушительный размах, чему во многом способствовала «новая религиозная политика» государства. Во всех действующих церквях и молитвенных зданиях уральского региона священнослужители произносили проповеди, разоблачающие фашистскую идеологию, накладывали проклятие на зарвавшегося агрессора, клеймили позором совершаемые им злодеяния. Духовные пастыри служили молебны о даровании Победы Красной Армии в кровавой битве с грязным врагом, направляли пастве церковные послания с призывами превозмочь все невзгоды военного времени, забыть имеющиеся разногласия и сплотиться в единое целое для священной борьбы с захватчиками. Немаловажное значение имела и реабилитационная работа церкви с пострадавшими в горниле военных испытаний. Душевная теплота и участие по отношению к нуждающимся, моральная поддержка обездоленных, ослабляли жестокие страдания людей, вызванные потерей близких и материальными лишениями.

Наряду с агитационно-пропагандистской деятельностью, мобилизующей массы на отпор неприятелю, поддерживающей моральный дух и уверенность населения в окончательный успех, религиозные учреждения и организации Урала осуществляли огромную практическую работу, имевшую серьезную материальную основу. Скромные взносы прихожан в фонд будущей Победы в совокупности составляли порой миллионные суммы. Так, верующие, посещавшие церковь Всех Святых в г. Молотове, за годы войны собрали под руководством своего настоятеля И. Караваева 1 млн 625 тыс. руб. Более миллиона рублей внесла приходская община Успенской церкви г. Ижевска, возглавляемая свя-

щенником Г. Грачевым. Решающую роль сыграл Урал и в создании знаменитой танковой колонны имени Дмитрия Донского. По призыву митрополита Сергия (Страгородского), она организовывалась на средства духовенства и верующих. Все уральские епархии внесли значительные денежные средства, но вклад священнослужителей и прихожан Пермской области в размере 6 млн руб. вызывает особое уважение, так как он стал одной из самых крупных сумм пожертвованных на вооружение Красной Армии по всей стране. Отметим и то, что все сорок средних танков Т-34, составивших боевой костяк колонны имени Дмитрия Донского, были сделаны на заводах уральского г. Челябинска.

В целом на нужды защиты страны православные уральского региона собрали около 14 млн руб., из них 12 млн руб. были направлены в фонд обороны. Более 800 тыс. руб. потрачены на подарки бойцам и командирам Красной Армии, раненым и больным фронтовикам, находящимся на излечении в госпиталях. Более 1 млн руб. пошло на помощь семьям фронтовиков, детям-сиротам и на прочие патриотические цели [26].

Органы управления областей и автономных республик Урала, проводя в годы войны либеральную политику по отношению к деятельности религиозных институтов, естественно, опирались на решения высшей власти, которая пошла на компромисс с церковью в силу целого ряда причин. Главными из них были: не допустить использование неприятелем церкви в качестве «пятой колонны» для подрывной деятельности в советском тылу, поставить религиозно-патриотический и нравственный потенциал церкви на службу интересам защиты Отечества, обеспечить при этом морально-политическое единство борющегося народа и усиление международного авторитета русского православия. Важное значение при этом уделялось установлению полного контроля за работой церковных институтов.

Государство, убедившись в жизнестойкости религиозных представлений в массовом сознании, следуя разумной логике, отказалось от утопического курса на полное их искоренение и попыталось осуществить четко спланированный политический маневр, направленный на подчинение церкви и использование ее растущей популярности в своей внутренней и внешней политике. Поэтому церковное руководство, несмотря на объявленную либерализацию, не имело самостоятельности даже в решении вопросов внутреннего развития конфессий и ставилось в зависимость от специально созданной для этого государственной системы управления. Только Советы по делам Русской Православной Церкви и по делам религиозных культов, работавшие при Правительстве, а также институт их уполномоченных на местах получили в свои руки весь набор рычагов, позволяющий при необходимости усиливать или сдерживать религиозную активность в стране.

Вполне естественно, что уральские органы управления, занимавшиеся проблемами развития религиозных культов, следуя директивам центральных органов, вели в этом направлении очень умеренную политику, искусственно тормозя количественный рост церквей, молитвенных зданий, священнослужителей. За период с 1944 по 1945 гг. в пяти областях и двух автономных республик Урала были отклонено 90,3% заявлений верующих с просьбами об открытии церквей. Из 2448 православных храмов, закрытых большевиками на Урале в довоенный период, в годы войны возобновили свою деятельность только 88, что составило

всего 3,6%. 2304 церкви (94,1%) по-прежнему несли на себе печать осквернения, были заняты под хозяйственные нужды или находились в заброшенном состоянии, подвергаясь сильнейшему разрушению. Отметим, что политика «сдерживания религиозных чувств» была характерна для органов власти и по отношению к другим конфессиям. Из 17 возобновивших религиозную деятельность культовых учреждений различных верований, составивших всего 0,96% от количества закрытых в довоенные годы, было 7 мечетей (0,44% от количества ранее закрытых), 9 молитвенных домов сектантов (5,2% от количества ранее закрытых) и одна синагога (7,1% от ранее закрытых). 1747 культовых учреждений, то есть 99,0% от ликвидированных большевиками, в годы войны не изменили своего статуса, продолжали оставаться занятыми под клубы, школы, библиотеки, склады, производственные и военные объекты [27].

«Новая политика», основанная на принципе государственного регулирования и сдерживания религиозного развития, конечно не могла в полной мере удовлетворить церковное руководство и рядовых священнослужителей, однако, большинство из них солидаризировалось с ней, так как она давала легальные возможности внести свою лепту в патриотическое движение, направленное на разгром врага, снимала боязнь перед новыми репрессиями, порождала надежду на сохранение имеющихся, а в перспективе, пусть на медленное и частичное, но все же восстановление ранее ликвидированных культовых учреждений.

Таким образом, религиозно-нравственный потенциал уральского региона целиком и полностью использовался в годы войны для организации обороны страны. Приняв традиционные для военной поры формы, он, в первую очередь, решал патриотические задачи. Представители духовенства всеми доступными средствами старались воздействовать на верующих с целью формирования у них определенной картины восприятия действительности, способной служить патриотическому воспитанию, побуждать готовность к самопожертвованию на фронте и в тылу.

Конечно, духовный потенциал советской державы нес в себе элементы идейно-конъюнктурной ограниченности и использовался властными структурами для обслуживания и оправдания тоталитарного режима. Но это отнюдь не означало, что ученые, работники высшей школы, учителя, писатели, поэты, художники, музыканты, артисты и другие представители творческой интеллигенции превратились в его безропотных слуг, а народ напрочь отказался от Бога. Напротив, несмотря на идеологический прессинг со стороны господствовавшего режима, заставлявшего следовать политической конъюнктуре, российская интеллигенция сохранила чувства патриотизма, гражданственности, гуманизма, а большая часть населения — светлую религиозную веру.

В конечном итоге, грандиозная битва с грозным противником, выигранная на пределе возможностей, убедительно показала, что моральный дух народа, защищавшего Отечество, в первую очередь базировался на высоком образовательном, художественно-образном и нравственно-религиозном уровне развития общества. Именно духовный потенциал русского народа, а не господствующий над ним политический режим, стал определяющим фактором социальной стабильности, имевшей место во всех регионах воюющей страны и обеспечившей в конечном итоге единство фронта и тыла как решающий фактор победы над врагом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000. С. 267, 268.
2. Палецких Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 1995. С. 135.
3. Урал в панораме XX века ... С. 268, 269; Козлов Н.Д. Общественное сознание и настроения населения Урала в годы Великой Отечественной войны // Урал в стратегии Второй мировой войны. Екатеринбург, 2000. С. 16.
4. Сафронов А.А. Перераспределение трудовых ресурсов между западными регионами страны и Уралом в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) // Урал в Великой Отечественной войне. Екатеринбург, 1995. С. 166.
5. Урал в панораме XX века ... С. 269, 270.
6. Палецких Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны ... С. 16.
7. Палецких Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны ... С. 25; Смыкалин А.С. Пенитенциарная система страны в годы Великой Отечественной войны // Урал в Великой Отечественной войне ... С. 117.
8. Мотревич В.П. Иностранцы граждане на Урале в 40-е годы // Урал в Великой Отечественной войне ... С. 98, 99.
9. Урал в панораме XX века ... С. 275.
10. Урал в панораме XX века ... С. 275, 276.
11. Корнилов Г.Е. Уральское село и война. Екатеринбург, 1993. С. 23.
12. Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны М., 1947. С. 117, 118.
13. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. 1917—1963. М., 1964. С. 235.
14. Урал в панораме XX века ... С. 277, 278; Горелов И.П. Урал — «опорный край державы» (Вклад Урала в Великую победу) // Урал в стратегии Второй мировой войны ... С. 13.
15. Денисевич М.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале. Екатеринбург, 1991. С. 87—89; Он же. Война и голод // Урал в Великой Отечественной войне ... С. 91, 92.
16. Сперанский А.В., Корнилов Г.Е. Великая Отечественная война // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 108; Ахмадиев Т.Х. Башкирская АССР в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. Уфа, 1984. С. 141; История Урала. XX век. Кн. 2. Екатеринбург, 1998. С. 177.
17. Сперанский А.В. Ученые — фронту: вузовская наука Урала в годы Великой Отечественной войны // Наука и образование в стратегии национальной безопасности и регионального развития. Екатеринбург, 1999. С. 210—215.
18. Сперанский А.В. В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Екатеринбург, 1996. С. 38, 40, 92, 108.
19. Сперанский А.В. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны: Два ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1997. С. 9.
20. Сперанский А.В. В горниле испытаний ... С. 159, 165, 167.
21. Свердловская область за 50 лет. Цифры и факты. Свердловск, 1984. С. 233, 234; Сперанский А.В., Корнилов Г.Е. Великая Отечественная война ... С. 108; Сперанский А.В. В горниле испытаний ... С. 188, 189, 201, 202, 203.
22. Сперанский А.В. В горниле испытаний ... С. 232, 233, 234.
23. Сперанский А.В. В горниле испытаний ... С. 237, 238, 247; Сперанский А.В. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны ... С. 277.
24. Сперанский А.В. В горниле испытаний ... С. 248-251; Сперанский А.В. Работники и воины // Екатеринбург. Исторические очерки (1723—1998). Екатеринбург, 1998. С. 175.

25. Сперанский А.В. В горниле испытаний ...С. 263, 264.

26. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 13. Л. 161; Д. 15. Л. 25; Д. 17. Л. 93, 94; Ур
ковал победу. Челябинск, 1993. С. 288; Сперанский А.В. В горниле испытаний ...
292, 293.

27. Сперанский А.В. В горниле испытаний ... С. 282, 283, 299.

SOCIAL AND CULTURAL TRANSFORMATIONS IN THE URAL REGION AS THE FACTOR OF THE COUNTRY'S REAR STABILITY IN WARTIME CONDITIONS (1941—1945).

The paper deals with cardinal social and cultural changes in the Ural region conditioned by the wartime, which effected the shaping of stable social, economic, political and ideological situation in the rear territories both in regional and national scale. Showing direct effect of evacuation processes, the militarized mechanisms of a labor force and logistics operation, development of educational, artistic, moral and religious potential, the author proves, that the key factor of viability of the combatant Soviet state was a high moral level of its people.

A.V. Speransky